О

ДУХОВНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО КЛАССА ВЪ РОССІИ.

E 100—
1075

О

ДУХОВНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО КЛАССА ВЪ РОССІИ,

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ЕГО БЛАГОСОСТОЯНІЮ.

С. П. Б.

Въ тип. III. отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.

1846.

ГПИБ России
10001255

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, 2 Апрѣля 1846 года.

Цензоръ Ал. Крыловъ.

ПОГАШЕНО

Въ нашемъ отечествѣ родилась прекрасная мысль духовнаго образованія того многочисленнаго сословія, которое составляетъ главнѣйшую часть Русскаго народа, сословія крестьянъ. Велика и возвышенна эта мысль! Она дѣлаетъ честь успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи; потому что истинное просвѣщеніе имѣетъ всегда основаніе религіозное, заключающееся въ любви къ Богу и ближнему. Можетъ быть эта мысль давно уже занимала нѣсколькихъ человѣколюбивыхъ патріотовъ; можетъ быть давно уже, кое-гдѣ, въ скромныхъ уголкахъ

обширной Россіи, старались осуществить ее. Но до сихъ поръ, она была больше дѣломъ частнымъ; теперь же сдѣлалась мыслію общественною, и — нашла отголосокъ въ сердцахъ многихъ Русскихъ (*).

Просвѣщенный читатель! Раскрывать ли передъ вами всю важность народнаго образованія въ Россіи? Вспомните, что высшая цѣль образованія человѣка есть благополучіе его въ жизни будущей и настоящей, есть цѣль земной жизни его. Какую же важность должно имѣть образованіе такаго народа, который состоитъ изъ *милліоновъ* разумныхъ существъ. Но тѣмъ осторожнѣе должно приступать къ такому великому дѣлу; кровавые уроки на Западѣ довольно показываютъ, что ложное направленіе образованія массы народа ведетъ только къ броженію умовъ, и часто бываетъ хуже самаго невѣжества.

Поверхностные мыслители скажутъ, можетъ быть, что прежде надо позаботиться

(*) Статьи С. Маслова, *о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи, на религіозно-нравственномъ основаніи.*

о насущномъ хлѣбѣ крестьянина, что не время думать о его просвѣщеніи, когда онъ умираетъ съ голоду. — Они не видятъ, что матеріальное состояніе человѣка тѣсно связано съ его умственнымъ образованіемъ. Можетъ ли неразумный купецъ вести хорошо свои торговыя дѣла? Можетъ ли неразумный аферистъ разбогатѣть своими оборотами? Можетъ ли крестьянинъ благоденствовать, когда онъ безсознательно занимается своимъ промысломъ, когда закоренѣлые предразсудки невѣжества связываютъ духовную природу его, когда онъ лишенъ способности мыслить, когда онъ всякую заработанную копѣйку пропиваетъ? — Отдохновеніе послѣ трудовъ необходимо человѣку по природѣ его; желаніе удовольствія свойственно каждому человѣку, и также заключается въ природѣ его; но дѣло въ томъ, что необразованный земледѣлецъ находитъ удовольствіе въ однѣхъ грубыхъ чувственныхъ наслажденіяхъ. Со всѣхъ сторонъ кричатъ, что пьянство поглащаетъ все благосостояніе работника въ Россіи, что надо истребить этотъ порокъ, и тогда только матеріальное благосостояніе его можетъ

быстро возрости. — Эти жалобы совершенно справедливы: облагородьте нравственную природу крестьянина, сдѣлайте ее способною къ наслажденіямъ духовнымъ, и вы увидите, какъ пьянство само собою станетъ уменьшаться, а покамѣстъ человѣкъ будетъ искать удовольствія въ однѣхъ физическихъ наслажденіяхъ, не ожидайте добра; нельзя же требовать отъ крестьянина, чтобы онъ, послѣ тяжкихъ земледѣльческихъ трудовъ, да еще, можетъ быть, послѣ горя, столь обыкновеннаго спутника человѣка въ этой жизни, не искалъ себѣ развлеченія, хотя на нѣсколько минутъ.

Но оставимъ на время человѣколюбивыя идеи тѣхъ филантроповъ, которые счастіе свое полагаютъ въ счастіи ближнихъ. Обратимся къ однѣмъ матеріальнымъ выгодамъ владѣльцевъ имѣній. Увы! весьма многіе изъ нихъ не понимаютъ, что благосостояніе ихъ тѣсно связано съ благосостояніемъ ихъ крестьянъ. Развитіе этой мысли слишкомъ отдалило бы насъ отъ нашего предмета. Скажу только, что помѣщикъ, получающій отъ своего имѣнія какой либо доходъ, при разоренномъ поло-

женіи крестьянъ, получалъ бы гораздо больше, если бы благосостояніе ихъ утверждено было на прочномъ основаніи, и что отъ увеличенія дохода крестьянъ зависитъ увеличеніе его собственнаго дохода. Какъ ни велико вліяніе разрушающихъ эпидемій: болѣзней, неурожая, заразы и проч. на процвѣтаніе имѣній; но все таки, отъ одного или двухъ неурожайныхъ годовъ, люди не должны умирать съ голоду, а помѣщики разоряться. Послѣдніе же никогда не достигнутъ цвѣтущаго положенія своихъ имѣній, покамѣстъ люди, отъ которыхъ оно наиболѣе зависитъ, т. е. крестьяне, будутъ грубы и невѣжественны. — Скажите, что сдѣлаете вы для прочнаго благосостоянія такихъ людей? Заведете ли самое лучшее хозяйство, самый лучшій порядокъ во всѣхъ работахъ, это будетъ поддерживаться только вашимъ стараніемъ, и рушится безъ васъ. Станете ли жертвовать даже своимъ имуществомъ, чтобы упрочить благосостояніе крестьянъ, вы поощрите лѣность, безпечность и другія дурныя наклонности; а крестьяне ваши ежели и будутъ богаты, такъ только покамѣстъ вы

же будете снабжать ихъ этимъ богатствомъ. Нѣтъ, основаніе прочнаго благосостоянія крестьянъ заключается въ нихъ самихъ, такъ точно, какъ основаніе силы и могущества государства заключается въ его гражданахъ, какъ основаніе личности каждаго человѣка заключается въ его духовномъ *я*. Разсмотримъ же, въ чемъ должно состоять образованіе нашего многочисленнаго земледѣльческаго класса, и какимъ образомъ достигнуть его.

Я не буду пускаться въ глубокомысленныя разсужденія о цѣли духовнаго образованія, объ отношеніи его къ воспитанію вообще, и проч. и проч. Моя цѣль —благосостояніе Русскихъ земледѣльцевъ и вообще крестьянъ, основаніе котораго, какъ я сказалъ, должно заключаться въ ихъ духовномъ образованіи. Только въ отношеніи къ нимъ буду я говорить объ этомъ образованіи.

Доказывать ли, что оно должно быть религіозное (я не говорю *религіозно-нравственное*, потому-что въ самой религіи заключается чистѣйшая нравственность)? Думаю, эти доказательства будутъ излишни:

для людей проникнутыхъ религіею, онѣ ни на что не нужны; а для тѣхъ, которые противнаго мнѣнія, потребовалось бы слишкомъ большое разсужденіе, которое не можетъ имѣть здѣсь мѣста. И такъ, полагаю неоспоримымъ, что образованіе крестьянъ должно быть основано на религіи; они должны имѣть ясное понятіе о своихъ обязанностяхъ къ Богу и ближнему. Самъ Спаситель сказалъ: *возлюби Господа твоего, всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самаго себя* (Мато. XXI. 37, 38, 39.)

Но цѣль этаго образованія далеко еще не будетъ достигнута, если крестьяне будутъ только *понимать* свои обязанности; надобно, чтобы они *исполняли* ихъ въ жизни. Тогда только познаніе этихъ обязанностей принесетъ желаемую пользу. А для практическаго исполненія недостаточно одного теоретическаго знанія: мало ли мы видимъ людей прекрасно образованныхъ теоретически, которые въ жизни своей совсѣмъ не поступаютъ по своимъ правиламъ,

или отъ неумѣнія, или отъ недостатка силы воли, или по другимъ подобнымъ причинамъ. Слѣдовательно, мы должны приготовить крестьянъ не только къ принятію тѣхъ истинъ, которыя мы намѣрены сообщить имъ, но и къ умѣнію *примѣнять* ихъ въ жизни.

Прежде чѣмъ я буду продолжать раскрывать передъ вами, благосклонный читатель, весь процессъ образованія крестьянъ, позвольте мнѣ позаботиться о средствахъ, возможныхъ для его исполненія. Ничего нѣтъ легче, какъ составить превосходный планъ, котораго нельзя привести въ исполненіе; а искреннее желаніе мое заключается не въ теоріи, но въ практикѣ, да еще въ самой скорой практикѣ.

Каковъ бы ни былъ этотъ планъ, главное дѣло, во всякомъ случаѣ, будетъ состоять въ распространеніи между крестьянами полезныхъ свѣдѣній о религіи, о нравственности, о земледѣліи и проч. Какое же средство самое удобное и легкое для распространенія этихъ свѣдѣній? Гдѣ тотъ проводникъ, который легко и скоро передавалъ бы мысли одного лица другому? —

Читатель, этотъ проводникъ есть тотъ самый, который лучше всего передаетъ идеи одного человѣка всему міру; тотъ самый, посредствомъ котораго вы знакомитесь теперь съ моими идеями объ образованіи крестьянъ. Взгляните на исторію книгопечатанія, взгляните только на слѣдствія этаго изобрѣтенія, и вы убѣдитесь, что распространеніе грамматности между Русскимъ народомъ есть первый и вѣрнѣйшій шагъ къ его образованію. — Вы, которымъ Провидѣніе ввѣрило судьбу крестьянъ, вы должны всѣми способами содѣйствовать распространенію между ними грамматности, если хотите положить прочное основаніе ихъ благоденствію. Если вы не увидите всѣхъ плодовъ образованія ихъ при вашей жизни, то оно непремѣнно отзовется на дѣтяхъ вашихъ. — Обратимся же теперь исключительно ко всенародному распространенію грамматности.

Опытъ убѣждаетъ насъ, что въ человѣкѣ постепенно укореняются съ лѣтами понятія и привычки, пріобрѣтаемыя имъ въ дѣтствѣ и юности; чѣмъ старѣе человѣкъ, тѣмъ труднѣе перемѣнить его; не даромъ

говорятъ, что привычка есть вторая натура. Вѣрно никто не станетъ спорить о безполезности ученія грамотѣ сорокалѣтняго мужика. Займемся же тѣмъ юнымъ поколѣніемъ, которое пойдетъ такъ, какъ его поведемъ, которое легко приметъ то направленіе, какое дадимъ ему, и которое вовсе останется безъ образованія, если оставимъ его на произволъ судьбы.

Да на что крестьянину образованіе? Не обратится ли оно во вредъ ему, когда, ознакомившись съ условіями нынѣшняго просвѣщенія, онъ далеко не въ состояніи будетъ удовлетворить новымъ своимъ потребностямъ. — Да, милостивые государи, ваши возраженія справедливы, если вы полагаете образованіе только въ мягкой мебели, въ фарфоровомъ сервизѣ, однимъ словомъ, въ удовлетвореніи утонченному вкусу. Скажите, если человѣкъ, котораго вы считаете образованнымъ, и котораго привыкли видѣть въ нарядномъ платьѣ, въ нарядныхъ комнатахъ, въ нарядномъ экипажѣ, если этотъ самый человѣкъ надѣнетъ крестьянскій кафтанъ, и, сидя на простой скамьѣ, бу-

детъ ѣсть изъ деревянной посуды, не ужели онъ будетъ тогда меньше образованъ?

Но обратимся къ нашему предмету. Всѣхъ не переувѣришь. Мало ли есть эгоистовъ, которые для ближняго не пожертвуютъ и милліонною частію своего богатства. Мы остановились на томъ, что крестьянскихъ дѣтей надо учить грамотѣ. Какимъ же образомъ?

Было время, когда истина доказывалась не убѣжденіемъ, а физическою силою; когда христіанская религія распространялась, въ нѣкоторыхъ странахъ, съ Евангеліемъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой. Было время, когда тѣлесныя наказанія составляли, въ нашемъ отечествѣ, необходимую принадлежность ученія дѣтей грамотѣ. Это время прошло, но еще въ свѣжей памяти у многихъ, и ежели теперь вообще дѣти многому учатся и немногому выучиваются, то по-крайней-мѣрѣ ихъ не тиранятъ; по-крайней-мѣрѣ не уничтожаютъ въ нихъ съ самыхъ младенческихъ лѣтъ нѣжныхъ чувствъ любви и привязанности. Воспользуемся же опытомъ и примѣрами, которые у насъ передъ глазами.

Лучше начать дѣло со всевозможною осторожностью, нежели потомъ передѣлывать его.

Бросивъ взглядъ на современное состояніе дѣтскаго ученія въ Россіи, мы замѣтимъ господствующую идею, что дѣти имѣютъ отъ *природы* врожденное отвращеніе отъ наукъ и полезныхъ занятій. — Ничего нѣтъ легче какъ обвинить природу: она не можетъ за себя ни говорить, ни писать; но кто доказалъ на самомъ дѣлѣ, что дѣти имѣютъ это врожденное отвращеніе? По чему не полагать, напротивъ, что природа внушила имъ склонность и охоту къ дѣльнымъ занятіямъ? — Потому что во всѣхъ неудачахъ нашихъ мы обвиняемъ скорѣе другихъ нежели себя. Такъ и въ этомъ случаѣ: мы не хотимъ видѣть явной несообразности, которая, въ дѣтскомъ воспитаніи, должна бы обратить на себя наше вниманіе съ перваго взгляда. Посмотрите, какова у насъ метода преподаванія наукъ 12-лѣтнимъ дѣтямъ и 18-лѣтнимъ юношамъ: — одинакова для тѣхъ и другихъ. Мало этаго, она одинакова какъ для одного рода наукъ, такъ и для другаго. Вооб-

ще можно утвердительно сказать, что неудача въ дѣлѣ образованія происходитъ всегда тамъ, гдѣ наставникъ не умѣетъ примѣниться къ природѣ дѣтей. Отъ этаго бываетъ трудность, скука, незанимательность въ наукѣ, слѣдствіемъ чего должно быть непремѣнно отвращеніе дѣтей отъ преподаваемаго имъ предмета. А это первое слѣдствіе особенно важно въ дѣтскомъ образованіи. Если наставникъ успѣетъ пріохотить дитя къ полезнымъ занятіямъ, если онъ съумѣетъ доставить въ нихъ пищу игривому дѣтскому воображенію, онъ сдѣлаетъ самый большой шагъ. Останется только руководить это дитя въ дальнѣйшемъ его образованіи, управлять тѣмъ стремленіемъ къ совершенству, которое въ немъ уже возбуждено, и можно быть увѣрену, что воспитанникъ самъ собою пойдетъ впередъ далеко. Но если наставникъ не успѣетъ заронить въ младенческую душу искры этаго стремленія, если наконецъ онъ произведетъ совсѣмъ противное — отвращеніе, ненависть къ познаніямъ (что часто случается съ дѣтьми), то можно быть увѣрену, что впослѣдствіи будетъ очень трудно, почти не-

возможно, исправить ошибку. Пожалуй, найдутся примѣры, можно сказать, мгновеннаго превращенія безпечнаго и лѣниваго мальчика въ самаго прилѣжнаго и благонравнаго; но это — только исключеніе изъ общаго правила; перемѣну эту производятъ всегда особенныя причины. — Будемъ же учить дѣтей грамотѣ такимъ образомъ, чтобы заохотить ихъ къ чтенію, посредствомъ котораго мы намѣрены разлить въ Русскомъ народѣ свѣтъ истиннаго, религіознаго образованія. А изъ этаго происходятъ два главныя условія: первое состоитъ въ томъ, что метода ученія должна быть самая легкая; второе же заключается въ возможно большей ея занимательности для дѣтей. — Поговоримъ теперь объ этомъ способѣ ученія.

Такъ какъ оно, по цѣли своей, должно быть сообразно съ природою дѣтей, то опредѣлимъ лѣта, въ которыя должно начинать учить ихъ грамотѣ. — Мы сказали, что человѣкъ съ лѣтами получаетъ понятія и привычки, которыя постепенно укореняются въ немъ. Слѣдовательно, чѣмъ раньше мы начнемъ воспитаніе дитяти, тѣмъ

легче можемъ надѣяться привить ему полезныя идеи. Очевидно теперь, что начинать ученіе грамотѣ должно по-возможности раньше. Я говорю *по-возможности*, потому что слишкомъ раннее ученіе, когда оно по слабости дѣтской природы будетъ трудно, противурѣчитъ необходимымъ условіямъ методы: легкости и занимательности. Я полагаю, что для крестьянскихъ дѣтей 7—10-ти лѣтній возрастъ приличнѣйшій въ этомъ случаѣ.

Мы сказали, что образованіе крестьянъ должно быть религіозное. Но изъ этаго еще не слѣдуетъ, что дѣти должны начинать ученіе съ церковной грамоты, а не съ гражданской: можно умѣть безошибочно читать церковныя книги, и быть безнравственнымъ человѣкомъ; можно совсѣмъ не знать церковнаго языка, и быть истинно-религіознымъ человѣкомъ. Въ этомъ случаѣ выборъ нашъ долженъ согласоваться съ свойствомъ методы дѣтскаго ученія. Возьмемъ же для первоначальнаго ученія ту грамоту, которой дѣти могутъ выучиться съ наименшимъ трудомъ и наибольшимъ удовольствіемъ. Эта грамота будетъ, безъ сомнѣнія,

гражданская; механизмъ ея гораздо проще церковной, а главное — гражданскій языкъ есть разговорный, знакомый дѣтямъ отъ колыбели. Церковной же грамотѣ гораздо легче будетъ выучиться, зная грамоту гражданскую.

Опредѣливъ цѣль ученія грамотѣ крестьянскихъ дѣтей, и свойство методы этаго ученія, перейдемъ къ самому исполненію.

Если можно дать навсегда общія правила обученія грамотѣ вообще, то примѣненіе ихъ не можетъ подлежать также общимъ законамъ, особенно при теперешнемъ состояніи просвѣщенія крестьянъ, когда полагается только начало всенародному распространенію грамматности. Какія же должны быть соображенія для удобнѣйшаго практическаго исполненія? Большая разница въ средствахъ достаточнаго помѣщика и недостаточнаго, который, при всемъ искреннемъ желаніи, не можетъ много жертвовать своимъ достояніемъ. Слѣдовательно, чѣмъ самое выполненіе обученія крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, можетъ быть сдѣлано проще и дешевле, тѣмъ оно скорѣе и легче можетъ распространиться въ Россіи.

Я укажу на самый малосложный способъ; отъ доброй воли и средствъ каждаго помѣщика будутъ зависѣть возможныя улучшенія.

У насъ извѣстна метода взаимнаго обученія Ланкастера, которая перешла къ намъ отъ Западной Европы. Главное основаніе этаго способа состоитъ въ томъ, чтобы съ наименшими издержками учить наибольшее число дѣтей; но онъ требуетъ предварительнаго образованія нѣсколькихъ помощниковъ; къ тому же наврядъ ли первыя школы будутъ открываться въ большомъ размѣрѣ. Изъ этаго выходитъ, что, при настоящемъ положеніи дѣла, должно учить читать по обыкновеннымъ азбукамъ или букварямъ. Но какъ содержаніе ихъ должно удовлетворять извѣстнымъ двумъ условіямъ: легкости и занимательности, то разсмотримъ теперь, каковы должны быть самыя азбуки.

Простой механизмъ Русскаго языка не требуетъ, подобно Французскому или Англійскому, особенныхъ методъ при обученіи чтенію: въ двухъ послѣднихъ языкахъ многія слова выговариваются совсѣмъ не

такъ, какъ пишутся, чего вообще не встрѣчается въ нашемъ отечественномъ языкѣ. По этому, какъ скоро ученикъ будетъ знать твердо произношеніе каждой буквы, онъ можетъ легко выучиться складамъ, и еще легче перейдетъ къ чтенію цѣлыхъ словъ, ежели только упражненія будутъ постепенны. Но *слово* представляетъ уже опредѣленное понятіе. Пускай же понятія эти будутъ выбраны не безъотчетно, а тѣ самыя, которыя могутъ быть полезны дѣтямъ: понятія о религіи, нравственности, о свѣдѣніяхъ, нужныхъ въ крестьянскомъ быту, и. т. п. Присоединимъ къ этому извѣстныя намъ качества хорошей методы, и мы увидимъ, что азбука должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: легкости, заключающейся въ расположеніи буквъ и складовъ, занимательности и поучительности, зависящихъ отъ содержанія словъ и цѣлыхъ фразъ.

Но какъ бы хорошо ни былъ составленъ букварь, онъ не принесетъ ожидаемой пользы, если не будетъ употребленъ сообразно своему назначенію. Главное дѣло заключается здѣсь въ умѣніи учителя обращаться

съ дѣтьми. Изъ легкаго и пріятнаго для нихъ занятія, худой учитель можетъ сдѣлать работу трудную и несносную. Тогда, всѣ наши старанія, всѣ возможныя методы не принесутъ большой пользы. Не ученость, не обширныя познанія должны быть главными качествами хорошаго учителя дѣтей, а любовь къ нимъ, добросовѣстность и прилежаніе къ своему дѣлу. Тогда, руководимый благоразумными совѣтами и наставленіями, онъ можетъ хорошо выполнять свою обязанность. — Такъ какъ гораздо легче найти добросовѣстнаго грамотнаго человѣка, нежели опытнаго и свѣдущаго учителя, то много пользы принесло бы, по моему мнѣнію, кромѣ букваря такое руководство собственно для наставника, при первоначальномъ обученіи чтенію, которое ясно и подробно объясняло бы ему не только всѣ пріемы и весь способъ ученія грамотѣ, но и предметы, о которыхъ онъ долженъ говорить съ дѣтьми, самую манеру разговора и цѣль, къ которой долженъ стремиться; однимъ словомъ, съ помощію котораго, онъ могъ бы сдѣлаться, по-возможности, и хорошимъ учителемъ

чтенія, и хорошимъ наставникомъ вообще. Чтобы лучше дать понятіе о достоинствѣ такой книги, я указываю читателю на *руководство къ преподаванію Ариѳметики малольтнымъ дѣтямъ*, составленное Г. Гурьевымъ. Это полезное сочиненіе даетъ возможность каждой благоразумной, хотя и не знающей Ариѳметику, матери, выучить ей свое дитя легко и основательно.—

Я не стану больше распространяться о руководствахъ для обученія чтенію крестьянскихъ дѣтей, потому что не замедлю представить ихъ на благоусмотрѣніе ревнителей отечественнаго просвѣщенія, если они признаютъ возможность осуществленія высказанныхъ мною идей.

Теперь просвѣщенный читатель видитъ, что я предлагаю, уже съ первыми упражненіями въ чтеніи, положить начало развитію духовныхъ способностей ребенка, которыя потомъ должны постепенно совершенствоваться съ возрастомъ его. Не въ ученыхъ знаніяхъ, не въ эстетическомъ образованіи заключается цѣль этаго развитія: предосудительно выводить крестьянина изъ его быта, и усвоивать ему такой,

которымъ онъ не можетъ пользоваться. Но и простой крестьянинъ можетъ имѣть высокую душу, здравый умъ, чувствительное сердце, и наслаждаться тѣмъ благополучіемъ, которое Всевышній назначилъ въ удѣлъ не нѣкоторымъ только избраннымъ, а каждому человѣку: не Творецъ же виноватъ, если люди не умѣютъ имъ пользоваться.

Продолжать ли мнѣ, читатель благосклонный, развивать передъ вами идеалъ образованія нашихъ крестьянъ? — Кажется лучше остановиться; можетъ быть вы найдете невѣрнымъ основаніе мое: за чѣмъ же на шаткомъ основаніи сооружать цѣлое зданіе. А если основаніе вѣрно, то лучше на самомъ дѣлѣ положить сначала прочный фундаментъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе продолжать потомъ работу.

«Съ чего же начать?» говоритъ почтенный авторъ сочиненія *о всенародномъ распространеніи грамматности въ Россіи.* «Съ самаго дѣла, въ которомъ, какъ я убѣж-

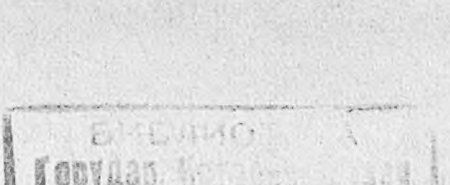
день, вся мудрость состоитъ въ томъ, чтобы взяться за него просто, не дожидаясь ни отличныхъ учителей, ни новыхъ букварей.» — Можетъ быть найдутся просвѣщенные помѣщики, или ревнители отечественнаго блага, или истинные филантропы, не знакомые съ этимъ сочиненіемъ. Пусть они прочтутъ его, и они найдутъ примѣры высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, просвѣщенной любви къ ближнему. Они увидятъ, какъ приняться за дѣло съ тѣми средствами, «какія уже есть у каждаго помѣщика». Они увидятъ, что лучше начать образованіе съ будущихъ *крестьянокъ матерей*, если средства позволяютъ заняться только нѣкоторою частію возрастающаго поколѣнія; что лучше начать учить церковной грамотѣ 13-лѣтнихъ дѣвочекъ, нежели совсѣмъ не учить ни кого ни какой грамотѣ; что лучше довольствоваться однѣми церковными книгами, нежели отказаться и отъ церковныхъ и отъ гражданскихъ книгъ (*).

(*) Съ перваго взгляда можетъ показаться, что мысль моя — начинать ученіе съ *гражданской* грамоты — прямо противурѣчитъ желанію автора *все-*

Я ничего не говорю больше объ этихъ предметахъ потому, что мнѣ пришлось бы только повторять слова почтеннаго автора. Если же кто пожелаетъ въ большомъ размѣрѣ положить начало духовному образованію крестьянъ ученіемъ грамотѣ ихъ дѣтей, тотъ найдетъ много полезнаго еще въ книгѣ *о способѣ взаимнаго обученія по системамъ Белля, Ланкастера и другихъ, съ изложеніемъ развитія его въ Англіи, Франціи и другихъ странахъ. Сочиненіе Іосифа Гамеля. Переводъ съ Нѣмецкаго. С. Петербургъ* 1845.

Дм. Д.

народнаго распространенія грамматности — употреблять для первоначальнаго чтенія преимущественно церковныя книги. Но читатель долженъ припомнить, что я имѣю въ виду начать изученіе азбуки по возможности съ ранняго возроста, т. е. съ 7—10 лѣтъ, смотря по способностямъ ученика; между тѣмъ какъ авторъ полагаетъ для дѣвочекъ 10—13 лѣтніи возрастъ. — И по моимъ идеямъ, 13-ти лѣтняя дѣвочка должна быть въ состояніи читать церковныя книги. Но, толковать 7-ми лѣтнему ребенку исключительно о предметахъ религіи и нравственности, да еще на языкѣ, мало ему знакомомъ,—безполезно.



Я имею не только большое удо-
вольствие, но и честь быть
Вашим покорным слугою
Ф. Ф.

Одесса 1815.
Перевод с Итальянского. С. Пле-
нер. Гамлет. Трагедия в пяти
действиях, с прологом и эпи-
логом. Сочинение Гаспара
Дельта. Дюссельдорф 1815.

Цѣна 20 коп. серебромъ.